

— Сто лет буду жить, а поправился, так еще продлю на десяток. Бабушка-покойница до 102 лет дожила, а я чем хуже? Только вот звать все стали бабой Дусей, да бабой Дусей. Что это они? Подошла я как-то к зеркалу, взглядела внимательно: «Ой, боже мой! Мать ты моя, Евдокия ты Павловна! Какая же ты старая стала, сама на себя не похожая!» — И она развела насмешливо-изумленно руками: — Как не баба Дуся! А все не могу не балагурить да не шутить. Сама с собой разговариваю, да песни пою. Пошла раз в лес по грибы, всю дорогу иду частушки пою. Много уж пропела — глядь, знакомый мужик под елкой стоит, слушает да головой качает. Господи, покраснела я: «Стара стала, а такие частушки исприличные пою!» С тех пор встречаюсь мне с тем мужиком стыдно, краснею, а он успокаивает: «Не смущайся, баба Дуся!» — она засмеялась, подвинула мне тарелку с губницей: «Ешь, грибочки сегодня внук принес».

— Баба Дуся, а много их у вас, внуков-то?

— Давай посчитаем, — она стала называть по именам, загибая пальцы. Получилось девять внуков, четыре правнука.

— Никто моих ребят не

«САМА НА СЕБЯ НЕ ПОХОЖАЯ»

похает, все хорошие. А жила-то как плохо! Сиротой была, дедушка с бабушкой в 16 лет замуж отдали, дети пошли. Одна дочь осталась от первого-то моего. Овдовела рано, четыре года одна маялась, а в 28 лет за второго вышла. Да только плохой попался, пьяница, не жила, а мучилась. Шестеро детей родила. Сюда на Магнитку приехали 22 мая 41 года. А через месяц война. Три раза строилась: сначала землянку подремонтировали, потом новую землянку выкопали, а уж потом дом купили на слом, его перевезли и отремонтировали. Больше уж строить не буду. Последнюю-то «квартиру» дадут на Хромпике либо в Талице (кладбища на Магнитке нет своего — Е. К.).

— А работали где?

— На «Хромпике» 22 года, на вредном производстве. Как-то мне Лида Ившина посчитала, сколько я отмахала за эти годы километров взад-вперед. Ой, много получилось. Работала поменно, детей одних оставляла. С работы прибавляла, корову подоить — и на покос, потом опять на работу бегом.

ЮРИЙ ОЛЕША один из романов начал так: «По утрам он пел в клозете». С некоторых пор у меня появилось стойкое ощущение, что я и многие другие журналисты уподобились этому герою и пытаемся бодро, оптимистически петь в этом неподходящем для пения месте. Вокруг нехватка денег, массовое сокращение кадров, полная остановка заводов, а мы... Стоп! Лечиться от хандры надо на природе или общаясь с людьми, которые не интересуются партиями, движениями, законопроектами и конституционным судом, а просто радуются новому утру, ходят к друзьям в гости, пекут пироги.

Таким человеком стала для меня Евдокия Павловна Петушина. В свои 76 лет Евдокия Павловна не утратила живой заинтересованности и чувства юмора.

Баба Дуся замолчала на минуточку, и вдруг слезы на глазах:

— Сейчас бы хорошая была жизнь, да вот два переживания за год — двух детей схоронила. Нисколько не живешь без горя. Потом опять улыбнулась: — Телка вот нынче ногу повредила — опять горе! И все ко мне со своим горем идут.

И тут же поправилась:

— И с радостью. И чай пить — у меня как чайная. Правда, плохо стало с чаем-сахаром, дак по очереди заходим друг к другу. Коров проводим и чаевничаем, сегодня к Нюре заходим, завтра к Шуре зайдем, послезавтра ко мне. Много у меня подружек.

— А скотины много?

— Две коровы, телка, быки. Да вот главная скотин-

ка — кошка. Она у меня красавица, дымчатая. А котятки как баски! Возьмешь одного?

Я отказалась, а кошка, как будто поняла, о ногу потерлась: неохота ей своих деток отдавать.

— Старая я стала, а дурная. Телевизор забарахлил, так я по соседям бегаю, а Марьянку смотрю. Как уж я за нее нынче породавалась! Все хозяйство бросаю, а уж «Богатых» не пропусти.

— Баба Дуся, а у соседей много живности?

— Стало у нас не маленькое, голов 60. А было время — доходило до того, что я одна гоняла, все порушили своих коров. На магазин наделались: молоко, картошка. А сейчас все дошло, дак все клочки под

картошку перекопали, даже на старой помойке посадили. Корова-то и молоко, и мясо дает. Мы без мяса не живем, да и овощи свои. Нынче только, жалко, картошка вся сгнила.

— Часто у вас дети-внуки бывают?

— Не побуждая, все ходят, все проводят: внуки и сыны, и дочери, и внуки.

Баба Дуся опять перешла на свои хозяйственные заботы:

— Повезло нам нынче с пастухом. Парень нише не работывал, пид, а в пастухи пошел — не нахвалимся. Коровы всегда сытые из стада приходят. Дожди вот шли, дак он весь мокрый придет — жалко. Я ему вчера баню истопила специально. Два часа на

полке лежал. Добрый я человек! — баба Дуся хитро на меня посмотрела, как будто говорила: «Сам себя не похвалишь, так никто не похвалит».

Пока мы разговаривали, приехал зять чинить телевизор, внучка забежала, чаю у бабушки попила да мне про нее рассказала:

— Еще покос не начался, а бабушка у нас уже полный сеновал травой набила. Каждый день ходит, серпом жнет.

— Я все по межам жну, гляжу, а на грядке уже девять кустов картошки кто-то выкопал! Батюшки! Мне аж страшно стало: вдруг на меня подумают!

Внучка успокоила:

— Что ты, баба Дуся! Кто на тебя подумает? Вся Магнитка знает, что ты чужого никогда не возьмешь!

Как будто душой я отогрелась около бабы Дуси, а она опять пошутила:

— Собралась жить по старому, а расту-то какого буду? Мыло всегда на печурке клала, а сейчас уж не могу до него достать — табуретку подставлять приходится!

Не знаю, красивая ли была в молодости Евдокия Павловна Петушина, а только дети и внуки у нее красивые, а она просто чудо.

Е. КАПУСТИНА.